

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 годов, в 12-ти т. Т. 8. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ГОДЫ ВОЙНЫ. М.: Кучково поле, 2014, 864 с.

В рамках нового 12-томного издания “Великая Отечественная война 1941–1945 годов” (председатель главной редакционной комиссии – министр обороны России генерал армии С.К. Шойгу) вышел в свет восьмой том, посвященный советской внешней политике и дипломатии в годы войны.

Издание представляет собой результат масштабной работы исследователей из ведущих учебных и научных учреждений министерства иностранных дел России (МИД РФ) – Московского государственного института международных отношений (университета) – (МГИМО-У), Дипломатической академии и Историко-документального департамента, а также ученых из Российской академии наук¹.

Том открывается кратким, но емким разделом “Основные тенденции в современной российской историографии внешней политики СССР периода войны (с. 12–33). Рассмотренные труды отечественных историков сгруппированы в четыре тематических блока: внешняя политика советского государства накануне войны, антигитлеровская коалиция, СССР и Восточная Европа, СССР и Азиатско-Тихоокеанский регион. Обращает на себя внимание характеристика двух подходов к трактовке советских планов послевоенного устройства: если в рамках первого из них историки акцентируют влияние идеологии и постулируют изначальную установку советского руководства на “советскую модель организации власти” в освобожденных от фашизма странах, то сторонники второго, альтернативного подхода

усматривают в советском планировании на послевоенный период приоритет геополитических мотивов – “обеспечение послевоенной безопасности страны, в том числе посредством создания пояса из дружественных (по терминологии тех лет) сопредельных государств” и курс на “социально-политический компромисс” в их внутренней жизни (с. 24–25). Аргументы сторонников обоих направлений приводятся в максимально полном, объективном, далеком от политизированной полемики ключе. Авторская позиция ясна: альтернативный, деидеологизированный подход представляется более адекватным и в большей степени приближенным к исторической истине. Мы разделяем эту точку зрения, равно как и тезис о незавершенности дискуссии на эту тему (с. 25).

Говоря об историографии, отметим, что было бы хорошо, если в томе нашли отражение и ее зарубежная составляющая. Ссылки на труды историков США, Великобритании, Франции, Японии, Китая и других стран присутствуют в тексте; речь идет о том, что уместно было бы создать обобщающий раздел об их достижениях, проблемах и дискуссиях, аналогично тому, как это было образцовым образом сделано в отношении российских исследователей.

Сложные и многообразные сюжеты, характеризующие советскую внешнюю политику и дипломатию Второй мировой и Великой Отечественной войны авторы раскрывают максимально полно, структурируя изложение по проблемно-хронологическому принципу. Они сумели дополнить достижения российской историографии² новыми фактами и аналитическими оценками.

¹ Редакционная комиссия тома: первый заместитель министра иностранных дел Российской Федерации В.Г. Титов (председатель), академик А.В. Торкунов, академик А.О. Чубарьян, А.А. Токовинин, О.Н. Белоус, В.И. Татаринцев, Д.Е. Любинский, В.И. Ткаченко, А.И. Кузнецов, Е.П. Бажанов. Авторский коллектив: М.М. Наринский (руководитель), А.Ю. Борисов, В.И. Бойко, Т.Н. Вадковская, Н.Ю. Васильева, В.И. Винокуров, В.В. Воронников, Т.А. Закаурцева, В.П. Зимонин, А.А. Кошкин, И.Э. Магадеев, А.В. Мальгин, С.М. Монин, А.Ф. Носкова, Е.О. Обичкина, А.Н. Панов, В.О. Печатнов, А.В. Ревякин, О.А. Ржевский, А.Ю. Сидоров, А.А. Чурилин, С.В. Шилов.

² *Ржевский О.А.* Война и дипломатия. Документы и комментарии (1941–1942). М., 1997; Системная история международных отношений в 4-х т. Т. 1. События 1918–1945. М., 2000; *Ситолс В.Я.* Великая победа и дипломатия. 1941–1945 гг. М. 2000; *Очерки истории Министерства иностранных дел.* Т. 2. 1917–2002. М., 2002; *Мировые войны XX века*, в 4-х кн. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002; *Зимонин В.П.* Последний очаг Второй мировой. М., 2002; *Шубин А.В.* Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне.

При трактовке советской политики накануне Второй мировой войны распространена точка зрения, приравнивающая мюнхенский стовор западных держав с Гитлером и советско-германский пакт о ненападении. В рассматриваемом труде в этой связи отмечается: “В отличие от Великобритании и Франции, “умиротворивших” А. Гитлера Рейнской зоной, Австрией и Судетами, то есть разрушивших версальские установления, СССР пошел впоследствии на договоренности с Германией в ситуации гораздо более высокой военной угрозы собственной территории, в период лучшей подготовленности Германии к войне. Другими словами, мотивация действий советского руководства объективно была более резонной, оправданной” (с. 38). Отметая тезис о тождестве политики СССР и западных “умиротворителей” агрессора, авторы не становятся на позиции апологетов сталинской практики. Подзаголовок этого раздела: “Достижения, ошибки, последствия” (с. 34) не случаен. К числу “ошибок”, имевших роковые последствия, обоснованно относятся такие акции, как создание “правительства Куусинена” в ходе войны с Финляндией в 1939 г. (с. 62), и такие факты, как недооценка Сталиным авантюризма Гитлера в 1941 г., что привело к игнорированию данных о подготовке германского нападения на СССР (с. 113). Думается, такой же оценки заслуживали бы и внесение слова “дружба” в название советско-германского договора от 28 сентября 1939 г., и высказывание Сталина, что “Франция и Англия напали на Германию”, сделанное в интервью редактору “Правды” 30 ноября 1939 г.

Дело не в соображениях морали (авторы обоснованно отмечают, что этими соображениями тогда никто не руководствовался), а скорее в том, что эти избыточные авансы в сторону Гитлера лишь могли укрепить его мнение о слабости СССР и возможности нанести ему военное поражение. Авторы упоминают и об этом договоре, и об этом интервью (с. 57–58), но предпочитают их не комментировать. На наш взгляд, это следовало бы сделать.

Советскую политику в период 1939–1941 гг. нельзя понять без учета фактора военной угрозы на восточных рубежах СССР, где с 1937 г. шли военные действия между Китаем и Японией.

Японские милитаристы не чурались военных провокаций против СССР. Заслужено авторского коллектива следует признать, что авторы этого тома впервые столь глубоко и основательно сумели осветить “восточное направление” в стратегии и тактике Москвы. Историками убедительно показано сочетание принципиальности и гибкости, которое позволило Советскому Союзу оказывать максимально возможную помощь жертве агрессии – Китаю и, в то же время, дипломатическими мерами сдерживать японский экспансионизм, отвоя от советских дальневосточных рубежей угрозу военного нападения со стороны японской Квантунской армии (с. 90–112). Забегая вперед, скажем, что тема дальневосточной политики и дипломатии СССР подробно раскрывается и в последующем изложении. Особенно богат новыми источниками и глубокими обобщениями раздел “Политика Советского Союза в отношении милитаристской Японии на завершающем этапе второй мировой войны” (с. 645–677).

Внешняя политика СССР в первый период Великой Отечественной войны (до завершения коренного перелома в ней в ходе битвы на Курской дуге) рассматривается в двух разделах тома. Первый из них, “Перестройка внешней политики СССР на военный лад”, охватывает период 1941 – начала 1942 гг. (с. 123–187), второй, “Укрепление антигитлеровской коалиции: достижения и проблемы”, – до осени 1943 г. (с. 188–256). В центре внимания авторов – борьба советской дипломатии за открытие второго фронта, за укрепление военного союза Большой тройки – СССР, США и Великобритании. Вместе с тем, должное внимание уделяется и отношениям СССР с другими странами, ставшими объектом гитлеровской агрессии и очагами сопротивления оккупантам. Новые интересные факты приводятся, в частности, относительно имевшихся тогда оценок политических деятелей в этих странах. Выясняется, в частности, что советские дипломаты еще в 1940 г. отмечали большой авторитет личности и движения генерала Ш. де Голля в оккупированной Франции (с. 155), что, безусловно, облегчило последующее складывание советско-французского сотрудничества в военной и политической области.

Советская внешняя политика и дипломатия в условиях коренного перелома в войне и ее победоносного окончания освещена в трех разделах: “Упрочение международных позиций СССР” (с. 324–360), “СССР и освобождение стран Европы” (с. 361–449) и “СССР и завершение войны в Европе” (с. 514–557). В центре внимания исследователей находятся отношения с западными соседями СССР – Польшей, Чехословакией, странами Балканского полу-

1929 – 1941 годы. М., 2004; Печатинов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006; СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война: дискуссии, комментарии, размышления. М., 2007; Чубарьян А.О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 – июнь 1941 гг. М., 2008; Нарочницкая Н.А., Фалин В.М. и др. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009; Ялта-45. Начертания нового мира. М., 2010.

острова, а также с государствами Ближнего, Среднего и Дальнего Востока.

С 1943 г. началась серия межсоюзнических конференций, на которых обсуждались вопросы приближения победы над общим врагом и обеспечения прочного и справедливого послевоенного мира. Содержательные, насыщенные новыми документами и оценками разделы посвящены Московской и Тегеранской конференциям 1943 г. (с. 257–323), а также Ялтинской (с. 450–513) и Потсдамской 1945 г. (с. 601–644). Первая из этих конференций – Московская встреча министров иностранных дел трех великих держав – в предшествующей историографии оказывалась в тени Тегеранской конференции. Характерный пример: в одной из солидных американских работ о Тегеранской конференции почти 200 страниц уделено ее предыстории, но из них лишь четыре – Московской конференции, причем главным образом обсуждению в Москве вопроса о месте следующей встречи в верхах³. В трудах советских историков эта диспропорция выражена в меньшей мере. Изданная в СССР серия документальных сборников по дипломатии военного времени началась публикацией материалов Московской конференции 1943 г.⁴

В новом труде соотношение объемов текстов, посвященных обоим форумам, примерно 1,5 к 1 в пользу первого, что подкашивает читателя вывод о сравнительной исторической значимости каждого из них. Этот вывод, на наш взгляд, должным образом корректирует упомянутый “перекус” в исторической традиции, он обоснован непреложными фактами. Принципиальное решение по главному вопросу, который стоял тогда между союзниками, – об открытии второго фронта, было принято именно на Московской конференции. Черчилль в Тегеране безуспешно пытался его ревизовать. Общим результатом дискуссии лидеров СССР, США и Великобритании стало подтверждение того, что ранее было согласовано в Москве. Именно на Московской конференции были заблокированы попытки восстановления “санитарного кордона” у западных границ СССР, приняты такие важнейшие документы, как “Декларация об Австрии”, предусматривавшая ее восстановление как независимого и демократического государства, “Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые

зверства”, проложившая путь к Нюрнбергскому трибуналу, “Декларация четырех держав по вопросу о всеобщей безопасности”. Этот документ, в подписании которого участвовал и представитель Китая, стал одним из первых шагов к созданию в 1945 г. Организации Объединенных Наций (ООН).

Учитывая масштабность задач ООН в современном мире, логично, что авторы посвятили обширный раздел ее предыстории в военные годы (с. 558–600). Раздел насыщен богатым источниковым материалом, значительная часть которого впервые вводится в научный оборот.

Широта источниковой базы отличает и завершающий раздел “Дипломатия и дипломатическая служба СССР в годы Великой Отечественной войны” (с. 678–723). В нем, в частности, приводятся ценные сведения о деятельности военных миссий и военных атташе СССР в зарубежных странах. Их вклад в Победу ранее оставался неизученным в историографии; отрадно, что положено начало изучению этого вопроса.

Читатель может ознакомиться с источниками не только в соответствующих разделах труда, но и в обширном документальном приложении (с. 731–832), а также по многочисленным факсимиле документов, иллюстрирующих книгу. Заслуживает высокой оценки художественное оформление тома – плакаты, рисунки, фотографии, портреты государственных деятелей и дипломатов, как отечественных, так и зарубежных.

В заключение хотелось бы высказать несколько мыслей (возможно, спорных) по поводу трактовок в томе одного из самых сложных и болезненных (в частности, для современной политики) вопросов – а именно польского. Этот вопрос проходит через большинство разделов и тем, посвященных европейскому театру военных действий. В подходе авторов нетрудно заметить стремление акцентировать позитив в советско-польских отношениях, гибкость и осмотрительность советской стороны, наличие противоречий между умеренными польскими политиками из лондонской эмиграции типа В. Сикорского и крайними русофобами К. Сосновским и А. Залесским. Такой вполне разумный подход находит подтверждение в документах и фактах. Сталин и Сикорский сумели выработать приемлемый для обеих сторон компромисс во время визита последнего в Москву в декабре 1941 г. (с. 151), но русофобы, и ранее выступавшие против Сикорского, взяли определенный реванш весной 1943 г. (с. 197); варшавское восстание 1944 г. было нацелено ими не столько против немцев, сколько против СССР (с. 418–422). Ответ-

³ Eubank K. Summit at Tehran. The Untold Story. New York, 1985.

⁴ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). Сб. документов. М., 1984.

ственность за кризис весны 1943 г., приведший к разрыву отношений с правительством Сикорского, авторы возлагают не только на польскую сторону, но и на советскую (с. 197). Вместе с тем, они не упоминают о событиях, которые до крайности обострили этот кризис и сделали его эскалацию неизбежной: геббельсовскую кампанию по поводу обнаруженных трупов польских военнопленных в Катynie, согласие “лондонских поляков” участвовать в организованной немцами комиссии по расследованию, и, наконец, жесткую реакцию Москвы на это решение “лондонцев”. Разумеется, речь шла о поводе для разрыва, а не о его причине для обеих сторон, но для историков важно исследовать и то, и другое. Однако слово “Катынь” появляется в тексте лишь однажды и вне связи с кризисом весны 1943 г. (с. 413).

Другой пример малопонятного умолчания – так называемое “дело Окулицкого” – генерала “Армии Крайовой”, арестованного советскими органами госбезопасности весной 1945 г. вместе с группой сторонников. Разумеется, в задачу авторов не входил разбор предъявленных Окулицкому обвинений, однако, среди факторов, осложнивших отношения между союзниками после Ялты, следовало бы упомянуть яростную пропагандистскую кампанию, которая была развернута в западной печати по поводу этого “дела”. Насколько серьезно эта кампания беспокоила советское руководство, свидетельствует факт, что Сталин решил лично выступить с разъяснениями советской версии событий⁵.

⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, т. 3. М., 1947, с. 265–266.

Авторы вовсе не отрицают и не оправдывают чрезмерной жесткости советской стороны в переговорах с союзниками по польскому вопросу в тот период (с. 536–542) и даже несколько преувеличивают однозначность советских “советизаторских” намерений. Для характеристики этих намерений авторы приводят “цитату” Джиласа, которую тот приписал Сталину: “В этой войне не так, как в прошлой, а кто занимает территорию, насаждает там, куда приходит его армия, свою социальную систему” (с. 536). Закономерны вопросы: насколько аутентична эта “цитата”; почему для объяснения сталинской стратегии и тактики выбрана именно она, а не какая-либо другая из тех, что известны не только из мемуаров Джиласа, но и, например, из записей Г. Димитрова, и которые дают несколько иное представление о замыслах Кремля?⁶

Разумеется, высказывая замечания и ставя вопросы, мы не ставим под сомнение огромный труд авторов и редакторов, их несомненные достижения в поиске новых источников и интерпретаций. Историческое исследование – это процесс постепенного и последовательного приближения к истине, неизбежно связанный и с ответами на имеющиеся вопросы и с постановкой новых. Данный труд – необходимый большой шаг на этом пути.

А.М. Филитов,
доктор исторических наук,
профессор, главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

⁶ Филитов А.М. Германия в советском внешнеполитическом планировании. М., 2009, с. 32–33.

Ф.И. Новик. В ЛОВУШКЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ. СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ГЕРМАНИИ, 1953–1958 г. М.: Институт российской истории РАН, 2014, 367 с.

Выход в свет монографии главного научного сотрудника Института российской истории РАН, члена Совместной комиссии историков РФ и ФРГ по изучению новейшей истории российско-германских отношений д.и.н. Ф.И. Новик – заметное событие в российской германистике¹. Монография охватывает комплекс основных проблем развития отношений СССР с обоими германскими государствами,

а также с тремя западными державами (США, Великобританией и Францией) в плоскости германской проблематики. Хронологические рамки исследования – от смерти И.В. Сталина в 1953 г. и до начала второго Берлинского кризиса в 1958 г. Это был сложный период становления и укрепления власти Н.С. Хрущева.

Работа основывается на широкой источниковой базе. Автор привлекла материалы Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), в частности, документы фондов секретариата министра иностранных дел и

¹ Работа написана в рамках исследовательского проекта Совместной комиссии историков РФ и ФРГ.